«Он и раньше был несоветским человеком»

Комсомолец. – 2003 – – 20 янв. – с. 21.

Любимая советская партнерша Рудольфа Нуреева — к 10-летию со дня его смерти

интервью балет

Сегодня в Palais Garnier Парижская опера проводит вечер, посвященный 10-летию со дня смерти Рудольфа Нуреева. Этот концерт венчает серию мемориальных гала, прокатившихся по всей Европе. В России беглого гения чествовали только члены общества «Друзей Большого балета» в театральном музее им. Бахрушина. Специально для этого в Москву приехала петербургская балерина НИНЕЛЬ КУРГАПКИНА. Одну из первых партнерш Рудольфа Нуреева расспросила о нем ИРИНА АРУТЮНЯН.

Рудольф Нуриев и Марго Фонтейн на репетиции «Жизели» — один из самых гармоничных дуэтов прошлого столетия ФОТО AFP

— Как труппа Кировского театра приняла Нуреева?

— У Рудика все было идеальным — пропорции, рост, данные от Бога. Единственное, что в нем было неидеальным, это характер. Он учился только три года, но в театре вел себя так, будто уже был Нуреевым, и всех это ужасно злило.

— Вы много танцевали вместе?

— Много. После удачного дебюта в «Гаянэ» нас послали на фестиваль в Вену. Мы очень сдружились. Ходили все время вместе. Все даже думали, что у нас роман. Романа не было, но такие замечательные отношения, как в романе, были.

— Вы не ездили на гастроли в Париж, когда он остался?

— Меня наказали после того, как мы с Рудиком съездили в Германию. Мне сказали, что я вела себя не так, как положено советскому человеку,— ходила в брюках в Дрезденскую галерею. Потом многие мне говорили, что если бы я поехала в Париж, то Рудик остаться бы не посмел. А я думаю — еще как посмел, потому что он и раньше вел себя не как советский человек. Он свободно уходил в гости после спектакля, возвращался, когда хотел. А ведь всем было рекомендовано ходить вдвоем, а то и вчетвером. Некоторые добровольно сидели в холле отеля — смотрели, кто с кем выходит и когда возвращается.

— Нуреев рассказывал вам позже, что же все-таки произошло в Париже?

— Сначала его вызвал худрук труппы Сергеев и сказал: «Рудольф, так нельзя, ты должен вести себя как все». Но он чихал на это, сказал, что он — не все. После этого разговора его пригласил к себе посол. Тоже выговаривал ему. А в Париже Рудик имел такой успех — неестественно огромный. И он сказал послу: «Что, я плохо танцую?» «Нет,— говорит посол,— по поводу вашего искусства у меня никаких претензий нет». А Рудик ему: «Тогда у меня тоже к вам претензий нет». В общем, решили его отправить в Россию — якобы на торжественный концерт. Ну он, конечно, все понял. Если я, ведущая балерина с именем, была вот так оставлена в Союзе за штаны, то его больше никогда бы в жизни не выпустили. А если бы выпустили, то через 5-6 лет, а время-то упущено, ведь балет — короткое дело. Рудольф понял, что ему надо оставаться. Он мне рассказывал, что пришел в церковь Мадлен, встал на колени и попросил: «Если ты есть, сделай так, чтобы я мог остаться». И стал звонить тем, кто, как ему казалось, был готов ему помочь.

— Говорят, в его багаже потом нашли ткани, которые он накупил в Париже для костюма Ферхада.

— Он не готовился бежать — он очень хотел станцевать «Легенду о любви». Конечно, партия Ферхада сделана в расчете на его данные. Но у них вышла ссора с Григоровичем — глупая, из ничего. У Рудольфа был спектакль вечером, и он не пришел на репетицию. Григорович спрашивает его, почему. Он отвечает: «У меня репертуарный спектакль, я должен его танцевать». А Григорович говорит: «Ну, если ты так хочешь его танцевать, тогда больше не приходи на репетиции». Для Рудольфа это конец, его самолюбие было выше всего.

— Он был конфликтным человеком?

— Он мог постоять за себя. Как-то мы танцевали с ним «Дон Кихот». Антракт перед третьим актом непомерно затягивается. В чем дело? Говорят: «Рудольф не надевает штаны». В те времена поверх трико надевались такие короткие панталоны с буфами. Рудольф кричит: «Посмотрите западные журналы! Никто в мире не танцует в таких штанах, это неприлично!» Уломали его все-таки — согласился, но сказал, что это в последний раз.

— Как относился Нуреев к своей главной западной партнерше — Марго Фонтейн?

— Он был очарован ею. С Марго у него был роман, как мне известно из подводных источников. Им обоим очень повезло. Ведь Рудику было трудно вначале — туча поклонников, а помочь никто не может. Он попал сначала в маленькую труппу маркиза де Куэваса. А Фонтейн ввела его в высший свет — сенаторы, миллионеры. И благодаря ей он попал в один из ведущих театров — Ковент Гарден. Впоследствии он отплатил ей большой благодарностью. У Марго был муж инвалид. Она его содержала. Когда она заболела, Рудольф оплачивал ее больничные счета. Однажды он мне сказал, что продал дом в Лондоне в знак протеста, что англичане не назначили ей пенсии.

— Расскажите о вашей совместной работе над «Баядеркой» в Париже.

— Я делала там первый и второй акт — показывала порядок движений, работала с солистами. Репетировали три месяца. Момент тогда в Орега был очень сложным — Рудольф ведь уже не возглавлял труппу и был уже очень болен. Но все равно его в Орега обожали и так боялись, что когда он еще только шел до зала — медленно-медленно, в зале уже стояла гробовая тишина, все жались по стенкам. Он был очень строг с артистами, строг к порядку, к чистоте ног. Но сам уже не мог показывать. Раз как-то говорит мне: «Что это они делают?» Я отвечаю, что показывала по-другому, но они сказали, что так сделать невозможно. «Сейчас будет все возможно»,— и действительно, они тут же сделали так, как требовалось.

— Правда ли, что его носили на премьеру в кресле?

— Чушь! После премьеры на поклоны он вышел сам, был на банкете, сказал там речь. А в кресло сел только за закрытым занавесом — ему тогда орден вручали.